
Евгений Чернов

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
И ИСТОРИОСОФИЯ**

Название предлагаемого рассуждения вызывает у автора серьезные сомнения как стилистического, так и, еще более, смыслового (содержательного) характера. Стилистически оно звучит (выглядит) аморфно. Особенно раздражает союз «и», берущий на себя всю внешнюю ответственность за восприятие возможной смысловой нагрузки. К тому же этот союз, который в формальном синтаксисе призван выполнять соединительную функцию, в языковой практике, на уровне смысловом, зачастую служит подчеркиванию противопоставления, несоединимости (например, как диаметрально противоположно сработает в сознании это «и» в формулировках: «Украина и Европа»; «Россия и Европа»).

Иначе говоря, когда вся моя страна в очередной раз вошла в беспредельную «прозрачность» («прозорість»), я прибегаю к сомнительным, двусмысленным формулировкам. Конечно, «прозрачней» было бы заменить «и» на «как». Но, во-первых, слишком жестко. Не готов нести ответственность. Во-вторых, для поколения, к которому принадлежу, при таких постановках трудно избежать ощущения запаха «нафталина», который, справедливости ради замечу, иногда уже кажется вполне приемлемым и даже приятным. Но быть его сознательным создателем и распространителем?..

Однако никакие попытки иронизирования не скроют того факта, что это вызывающее сомнение название на самом деле точно передает состояние автора, идущего по «наощупь» найденному пути, не знающего точно, куда ведет эта «дорога» (и «дорога» ли это?), которому все же (простите за каламбур) сама мысль — дорога.

Таким образом, внутрижанровая характеристика данной публикации определяется тем, что она создавалась не как «текстовое» оформление уже проведенного исследования, а как попытка «текстовыми» средствами (посредством «текстового» конструирования) начать его разворачивание*. При этом считаю необходимым внести некоторые разъясняющие уточнения.

* Возможно, в этом и есть неформальная сущность эссеистских форм репрезентации мысли.

Основная мысль, приведшая и к формулировке названия, и явившаяся импульсом для «попытки разворачивания», в виде «куколки», уже продолжительное время прилипчиво существует в моем сознании. И поэтому стремление превратиться в «бабочку» (хотя бы однодневку) не связано напрямую с приглашением к сотрудничеству в рамках научно-издательского проекта «Регіональна історія України». Но без этого стимулятора «разворачивание» могло бы или не состояться, или приобрести другие формы*.

Образ «куколки» имеет в данном случае относиться не к «региональной истории», а к формулировке заглавия во всей ее полноте. Результаты размышлений о региональной истории уже были представлены в опубликованной форме доклада-статьи¹.

Для читательского социума «Регіональної історії України» считаю необходимым объяснить, что в упомянутой публикации, по сути, предпринята попытка привнесения в «региональную историю» «новых» представлений «парадигмального» характера**.

Публикации первого выпуска «Регіональної історії України» свидетельствуют, что высказанные мною представления не отвечают образам региональной истории его авторов (в том числе и заслуженно авторитетных). А «харьковская» статья оказалась вне пределов их внимания. Подчеркивая последнее, далек от претензий морального характера. С этической точки зрения для меня все выглядит абсолютно корректным, даже со стороны тех, кто, несомненно, или в изустной, или в печатной форме уже имели возможность хотя бы в общих чертах ознакомиться с этими представлениями. Речь идет не о том, что не упоминается имя, или же нет ссылок, а об отсутствии движения мысли собственной, или же фиксации подобного движения в мыслях других в интересующем меня направлении. А, следовательно,

* Это не попытка взвалить ответственность на «плеймейкера» проекта.

¹ Чернов Е. А. Региональная история: опыт теоретической интерпретации // Харківський історіографічний збірник. — Харків, 2006. — Вип. 8. — С. 38–48. По всей видимости, в дальнейшем не удастся ограничиться только лишь библиографическими ремарками и, следовательно, к сожалению, не избежать элементов самоэпигонства и даже самоплагиата.

** Закавычивание «новых», «парадигмальных» связано с убеждением относительности новизны и метафоричности такого употребления термина «парадигма». С тех пор, как гуманитарии взяли в оборот этот куновский термин, он все больше из понятийного инструмента истории, теории и методологии науки стал вербальной конструкцией для манифестов под флагом науки. На первых порах для привыкших к куновской функциональности термина такое его использование выглядело комическим, несколько нелепым и площадным «пиаром»: «дескать, начинаем (объявляем) микро (а то и макро) революцию в науке». Таким образом, только лишь ограниченность терминологического репертуара не позволяет мне избежать этих сомнительных в данном случае словечек.

или же я нахожусь в абсолютном заблуждении (что пока не приобрело признаков аргументированного самосознания), или же есть какие-то другие причины, имеющие неперсонифицированное объяснение.

Все дело в том, что острое предложенного мною ракурса в понимании сущности региональной истории состоит в раскрытии таких ее эпистемологических основ, которые могут придать ей черты действительно «новой дисциплины», «нового направления», «нового подхода». Признаюсь откровенно, известные мне опыты теоретического осмысления региональной истории, попытки констатирования или моделирование ее дисциплинарных образов воспринимаю как мало удовлетворительные с точки зрения внутренней логики движения научной исторической мысли. Более того, склонен рассматривать их как «косметические процедуры» и эксплицитные упражнения в общей компании «Наш дом — Европа», или же как утилитарно-прагматические устремления подвергаться под «грантово»-перспективную «регионалистику»*.

Именно это отсутствие сигналов и позволяет говорить об относительной новизне моих представлений о «регионально-историческом». Их парадигмальная претенциозность, прежде всего, содержится в тезисе: «Регион» в региональной истории есть не данность, а искомое. Поэтому изначально при таком подходе предметно-дисциплинарное поле не может рассматриваться как «история регионов» («история региона»)². В историографической практике такой подход не применяется и теоретически не предлагается.

Другой «парадигмальный» элемент носит историко-научный характер. Симптоматично, что «региональная история» в современной историографической ситуации наиболее функционирует в формах терминологических экспликаций, выводимых историографическим путем³. При этом довольно много внимания уделяется интерпретациям межпонятийных отношений региональной истории и «смежников» («тотальная», «локальная» история, «микроистория» «историческая регионалистика», «регионоведение» и т.п.). Дидактическое значение этих рассуждений не вызывает сомнений, однако в них утрачивается, или же оказывается вне фокуса основная эпистемологическая проблема (на

* Инвективно звучащие данные характеристики совсем не означают отрицания плодотворности исследований, выполняемых в рамках исторической регионалистики, а также значимости отдельных историографических и методологических наблюдений.

² Чернов Е.А. Указ. соч. — С. 42.

³ Смотри, например, статьи Я. Верменич, С. Маловичко и М. Мохначевой, Т. Поповой. И. Колесник, И. Студенникова и других в первом выпуске «Региональної історії України» (К., 2007).

самом деле хорошо известная упомянутым авторам, в других контекстах подчеркиваемая ими) — исторического синтеза. Именно в ориентации на поиск путей к синтезу, по моему убеждению, и следует искать эпистемологическую природу основных «нашумевших» дисциплинарно-методологических новаций второй половины XX ст. К сказанному следует добавить и стремление перейти от регистрационно-констатирующего, систематизирующего стиля научного мышления, характерного для историков классического этапа*, к проблемно-аналитическому. Именно в такой эпистемологической ситуации, пройдя через обаяние философско-социологических синтезирующих понятий при воссоздании макроисторических процессов и разочарование в связи с их «грубостью» и «топорностью» при исследовании конкретно-исторических фрагментов (то есть, при движении от отдельно реконструируемых фактов к обобщенным «картинкам», и от «картинок» к исторической «картине»), историческая наука (тоже спорное обобщение) стала разворачиваться в поисках путей к достижению столь «желанной Индии» — исторического синтеза, — стала искать альтернативные пути**. В итоге мы имеем основание на сегодняшний день констатировать, что, в отличие от мореплавателей-землепроходцев-географов, историки, при всем их неустанном поиске разнообразных путей, при всей значимости открытых или приоткрытых ими (нами?) «новых земель», так, и не достигли той основной цели, к которой изначально были устремлены. Но в ходе этого движения, осуществляемого не в цеховом одиночестве, а в структурах западно-ориентированной цивилизации, историческое познание оказалось в постмодерной системе ценностей, в которой уже не только не ощущается гнев, но и даже может быть не замечена ироническая горечь в словах: «Для починки сапог автоген не нужен. И в настоящее время достаточно большое количество историков не видит смысла превращать свой труд в кирпичик для большой стены, какой-нибудь метаисторической картины человечества, страны, социального прогресса. Господь с ним с прогрессом. Да и с человечеством тоже»⁴.

* Оставим позитивизм «под паром».

** В конкретике отечественной историографической ситуации эта метафора теряет значительную часть метафоричности, так как в поисках путей в «Индию» и мы отправились на Запад. В результате — груды понятийно-терминологического «благородного металлолома».

⁴ *Володихин Д. М.* Две ветви микроисторической платформы // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. — М., 2002. — Вып. 8. — С. 447. Не могу не заметить, что из авторской триады пропал один член — «страна». Или автор не хочет, чтобы Господь взял ее под свою опеку, или считает, что историки, даже «микро», еще сами не готовы оставить ее целиком и полностью на Господне попечение, сняв с себя всякую ответственность.

Безудержная дисциплинарная дифференциация сопровождается жесткой социализацией, в результате которой любая дискурсивная практика, осуществляемая в структурах науки, в современном цивилизационном режиме, мгновенно обрастает всеми социо-интеллектуальными чертами особой науки, со своими бюрократическими правилами — перегородками и нормативностью. Поэтому без попыток углубленных историографических рефлексий (в свою очередь, плодящих новые дискурсивные практики) происходит затухание сигналов импульса, вызывавших возможность того или иного дисциплинарного роста. Именно поэтому подвизавшийся сегодня историк с идентичностью микроисторика может считать, что смысл исторического познания — в достижениях разнообразных целей — «чинить сапоги». Такие «микроисторики» и такая «микроистория» могут быть уподоблены колонистам и колониям, утрачивающим или утратившим связь с метрополией. Но даже и при такой идентичности никакая микроистория не даст избавления от неизбежных шатаний по философско-методологическим дебрям: индукция — дедукция, анализ — синтез, особенное — общее, единичное — целое; и, в конечном счете, микро — макро*... Рассуждения подобного рода и приводят к выведению историографическими средствами сущности региональной истории не как синонимического термина, имеющего отношение к уже сложившимся дисциплинарным практикам, бытующим в другой терминологической упаковке, и даже не в качестве развивающего дополнения к ним. Такой подход предполагает, что региональная история если не стала, то может стать законнорожденным направлением в научно-историческом познании⁵.

Но регионально-исторический подход, для которого познание целого есть методологический ориентир, а сам подход — разновидность синтезирующего метода (эффективного или нет?), вне зависимости от его результативности при работе на основных магистралях научно-исторического познания, на мой взгляд, обладает значительным потенциалом историософской герменевтики.

Попытка придать историософии научно-дисциплинарные рамки, на мой взгляд, является глубоко неисториософским делом, и в этом смысле аморальным. Но мысль историка-гумани-

* Конечно, отдельно взятые особи избежали и могут избежать их (шатаний), но только при условии абсолютной герметичности. Даже те коллеги из цеха, которые искренно считают эти «шатания» грехом интеллекта историка, уже тем самым вкусили от «греховного».

⁵ Подробнее об этом смотри: *Чернов Е. А.* Указ. соч., в котором очерчиваются эпистемологические контуры регионально-исторического. Оставляю возможность для упражнений в терминологическо-понятийных экспликациях относительно употребления мною без различений: «региональная история», «регионально-историческое» — дисциплина, подход, направление, метод.

тария* по определению чревата «софийностью», а точнее «софийностями». Это и «историческая политософия», и «историческая социософия», и «историческая культурософия»... И в этот ряд вполне вписывается, — «историческая регионософия». Точно так же могут рассматриваться теоретико-методологические области научно-исторического познания**.

Сама предложенная идеология региональной истории уже связана изначально с историософско-герменевтическими подходами***. Предлагаемое в рамках этой идеологии видение исторического процесса фактически потребует для тех, кто ее разделяет и попытается на ее основе строить методологическую модель своих конкретных исследований, неизбежно приведет к необходимости в историософии, как на эвристическом этапе (выбора объекта — хронотопа, отбора факторов изучения — настраивания «оптики», моделирования информационно-аналитической базы), так и на этапе интерпретации полученных данных. Это место, с моей точки зрения, заслуживает более подробного освещения.

То, что мы называем «историческим синтезом», как выше уже было отмечено, остается методологическим идеалом (даже, если он утрачивает свой позитивный образ и перестает быть желанным). Само собой разумеется, что предложенная идеология «региональной истории» может быть воспринята и разделяема теми, кто, даже не веря в существование «Индии» (это не аллюзия на И. Валлерстайна), убежден, что за нее/него («Индию»/синтез) стоит «каждый день идти на бой». Но именно они и должны честно признать, что арсенал собственно научных средств, при всем его внешнем разнообразии, относительно узкий и ненадежный. И, что фактически синтезирующими средствами, находящимися в распоряжении историка, были и остаются политические и социальные идеологемы, религиозные

* Кажется, настало время вводить такой классификационный ранжир — не по предмету(ам), а по стилю мышления. В среде историков, и вполне высокопрофессиональной, были, есть и, по крайней мере завтра, еще будут негуманитарии.

** Здесь точно, по моему мнению, желательно избегать излишнего опредмечивания. Например, широко известный у нас очерк О. Прицака «Історіософія Михайла Грушевського», вызвавший множественные волны персонологических историософий, способствовал созданию ситуации «излишнего опредмечивания» (мортизация витального). Чем может быть в гуманитарно-историческом познании историософия? Отдушиной копален-рудников-шахт, плавилен-кузниц-сборочных конвейеров, в которых добывается материал и изготавливаются знания. Отдушина, ведущая к потокам свежего воздуха поиска смысла(ов). И поэтому из «экологических» соображений не следует дисциплинировать, опредмечивать историософию.

*** Опять же вынужден отослать интересующихся к собственной статье.

мифологемы, морально-этические установки, интеллектуально-эстетические ценности, которые, взаимно переплетаясь друг с другом, выполняют роль «забора», «колючей проволоки», «межевого столба» и других объединительно-разъединительных образований. И поэтому не следует бояться историософского как ненаучного. Когда мы с вами, «историософствуя» по поводу «украинскости», например, пространства современного города Днепропетровска в его общих природно-географических характеристиках как среде истории, приходим к выводу, что это очень *украинское* место, или, наоборот, полагаем, что Екатеринослав, возникший на этом месте в конце XVIII века, становится не имеющим аналогов на территории современной Украины, наиболее российским (нерусским) городом, то предлагаемая аргументация в этих случаях может вызвать в чем то и справедливую критику в сомнительности ее научности, однако, — несомненно, более плодотворна в системе научных ценностей, нежели представления об Украине (с заменой на любое другое название исторического пространства) как целостной именной структуре, данной историку в готовом виде как объект изучения.

Принятие такого понимания «региональной истории» в ее многофакторном или же мультифакторном измерениях может позволить рассчитывать на возможности более адекватной регионализации макроисторических пространств, выявление в терминах «региональной истории» иерархических связей между ними (в их множественности региональных ипостасей). А также и более фокусировано задумываться над смыслом (смыслоположением) «отснятого» в региональных съемках материала, над сущностью и смыслом некоторых понятий (например, «пограничье»), над «связками» и «разрывами» в истории, избегая при этом столь удручающего историков философствования вокруг внеисторического материала, или же произвольно иллюстративно выбранного.

Немаловажным моментом проявления историософского компонента в регионально-историческом дискурсе может быть (является) обретение, а, точнее, возвращение к истокам (а значит к смыслу) таких научно-дисциплинарных феноменов современного времени как «История» и «География». Справедливости ради замечу, что «региональная история» в предложенной развертке идейно близка «новой географии». В то же время последняя оформилась и наиболее громко заявила о себе во французской научно-педагогической традиции, в которой долгое время специализация в области географии была «дочерней» от истории⁶. Но, если при этом всмотреться с позиций

⁶ Джеймс П., Мартин Дж. Всевозможные миры. История географических идей. — М., 1988; Баттимер А. Путь в географию. — М., 1990.

историко-методологических в процесс филиации истории как современной науки, то наряду с филологическим идейно-интеллектуальным геномом с очевидностью проявляется и географический*.

Так вот, историсофствуя по поводу среды обитания, и каждый раз возвращаясь к осмыслению влияния природно-географических фактора(ов) не вообще, а в их хронотопической конкретности, нам приоткрывается возможность возвращения «ad fontes» нашей науки. И в мыслительном акте уже, кажется, создается прецедент не «бюрократических» междисциплинарных связей, а желанного преодоления дисциплинарной «файловости»... А на поверхности интеллектуальной почвы появляются «капельки росы», напоминающие нам о том, что животворящая влага синтеза, хоть и по капелькам и только в определенное время суток, может подпитывать иссыхающую под узкой самодостаточной дисциплинарностью (к тому же и густо заселенную на всех участках одновременно и «распаханную», и «перевыпасную») территорию науки.

Пожалуй, только историсофскими средствами нам удастся выйти и на понимание связей между нереализованными в ходе истории проектами и судьбами тех пространств, в которые эти проекты закладывались. Выйти на понимание связи между «формой» и «содержанием» в историческом процессе, или, иначе говоря, расширить и вместе с тем фундаментализировать представления о «региональном» в истории.

* Интересно было бы проследить в деталях, где и когда из системы профессионально-исторического образования в нашей отечественной традиции была фактически вымыта его географическая составляющая, каким образом не компенсируемая нам, современным Митрофанушкам, исторической географией.

Мистика! Написал эти строки, взглянул на настенный календарь и на его странице увидел фотопортрет Степана Львовича Рудницкого с заголовком: «Фундатор української наукової географії та картографії».